

НАТАША ТРУШ

**Не будите спящую
ВЫХУХОЛЬ**

Наташа Труш

Не будите спящую выхухоль

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22058779

ISBN 9785448340017

Аннотация

Как жить, если в один совсем не прекрасный день ты узнаёшь, что в организме твоём произошёл страшный сбой, и диагноз, который напишет врач, звучит как приговор? Как победить болезнь, если на борьбу нет сил, если не радуется солнечное утро, если опускаются руки?... Как?! Не открою Америку, если скажу – не унывать! Не зря же называют онкологию «болезнью печали и уныния». Порой безнадежные больные удивляют врачей тем, что живут. Живут, несмотря ни на что. Почему? Потому что очень хотят жить.

Содержание

I	5
II	49
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Не будите спящую выхухоль

Наташа Труш

*Распознавание болезни по внешнему виду —
это искра божия, выслушиванием —
необыкновенное мастерство, с помощью
вопросов — ловкость, а по исследованию
пульса — искусство.*

Пян Чиао

*первый китайский ученый и врач,
отличавшийся даром предвидения
исхода болезни (V в. до н.э.)*

© Наташа Труш, 2018

ISBN 978-5-4483-4001-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

– Мама! Я ушла! – Алиса прислушалась к тишине дома. Мать в это время обычно уже не спит, и шарканье ее тапочек с меховыми помпонами Алиса слышит через двойные двери двух комнат – своей и ее. Причем, шаркает Алла Михайловна беспрерывно: шух-шух, шах-шах. Говорить маме, чтоб не бродила бесцельно с раннего утра – бесполезно. Обидится, но все равно будет бродить, нарушая утренний покой.

Поэтому тишина этого утра была совсем неестественна. Или противоестественна. В их доме так не бывает. Как раз, наоборот: у них по утрам все гремит, падает, разбивается вдребезги. Особенно в последнее время, когда у главной хозяйки на кухне все буквально валится из рук.

– Мама! – Алиса снова настойчиво окликнула мать, и ответом ей снова была тишина. Только слышно было, как предательски текла из бачка в унитаз вода, да неторопливо шуршал колючим языком по шерсти пожилой кот Васька, не обращавший по старости лет и кошачьей тугоухости никакого внимания на вопли хозяйки.

«Ушла в магазин? В такую рань?» – на рассуждения времени не было совсем, и Алиса шагнула за порог, и закрыла двери своим ключом. Потом вызвала лифт, а когда он пришел, и распахнулись створки перед ней, она снова кинулась к двери своей квартиры. Подергала за ручку, удостоверилась

в том, что заперто надежно. И снова рысью – к лифту. А он перед самым носом закрылся, и кабина начала медленное падение вниз.

Она давила и давила на кнопку, будто это могло ускорить процесс лифтопадения и обратного его подъема. «Тьфу! Из-за своей дурацкой фобии потеряла вагон времени!»

У Алисы был стойкий пунктик: она во всем сомневалась. Сомневалась в том, выключила ли утюг и газ под кастрюлей, свет в ванной и компьютер. Но больше всего она всегда сомневалась в том, заперла ли входную дверь на ключ. И хоть ни разу в ее жизни в этом вопросе не было осечки, она сомневалась всегда. Бывало, из-за этого досадного пустяка она возвращалась с первого этажа, а то и от припаркованной во дворе машины, и проверяла дверь – дергала ее за ручку, ругая при этом себя за глупые сомнения. А если уезжала далеко и не могла вернуться, то непременно звонила соседке по этажу и просила ее проверить двери – «подергать за ручку!», – заранее зная, что все в порядке. Но вот именно это ей надо было услышать – «Все в порядке!», а иначе день превращался в кошмар, и она неслась вечером домой, и сердце колотилось, как испуганная птица в клетке. И успокаивалась только тогда, когда убеждалась, что все действительно было в полном порядке, и все ее сомнения – это результат какого-то внутреннего расстройтва, сбоя в голове. Она даже побывала у психолога, которому, краснея, рассказала о своей фобии.

– Убеждайтесь всякий раз в том, что вы все закрыли, фиксируйте это зрительно и мысленно, – посоветовала Алисе умная тетя, заверив ее, что не одна она такая, что таких сомневающихся пациентов у нее сотни!

И Алиса, закрывая двери на два замка, не думала о том, что опаздывает на работу, а старалась сосредоточиться на процессе, чтобы потом не изводить себя в течение всего дня не нужными сомнениями.

Но так было до тех пор, пока она жила одна. А как только они стали жить вместе с мамой, все изменилось. Мама отдыхала на пенсии и всегда была дома. Она готовила утром завтрак, они вместе пили чай с какими-нибудь умопомрачительными сырниками, потом Алиса уезжала на работу, а Алла Михайловна оставалась дома. Она провожала дочь до порога, крестила ее напоследок собранными в щепотку всеми пятью пальцами правой руки, и крепко закрывала двери – на большой засов. И Алисе можно было не бояться, что она оставила за собой открытый для посторонних дом, и включенный утюг, и сковородку на плите.

А сегодня Алла Михайловна исчезла с утра пораньше, и Алиса, прогревая двигатель у машины, думала о том, куда ее суетливая матушка отправилась, и узнать – куда, было невозможно. Алла Михайловна была хоть и достаточно современная, как теперь говорят – «продвинутая», не смотря на свои семьдесят «с хвостиком», но к мобильному теле-

фону относилась прохладно. Он у нее был, но постоянно лежал в ящике с документами, аккумулятор давно разрядился, и мобильник молчал, как белорусский партизан. И вообще, большой вопрос, работал ли он! Алла Михайловна вполне способна была утопить его в ванне или унитазе, и от греха подальше скрывать это от Алисы.

– Не люблю я эту технику! Она лишает человека свободы!

Мама была в этом вопросе себе на уме, и менять свое мнение не собиралась. Хотя, понять, какую «свободу» она при этом имеет в виду, Алиса не могла. Они мирно жили вдвоем, на свободу друг друга не покушались. Алла Михайловна была одинока из своих убеждений и житейской мудрости. «Я замужем нажилась от души! Сейчас хочу жить в согласии с собой!» – так она отказала кавалеру в последний раз лет пять назад. Дело было в пансионате. Она с удовольствием дружила с Никитой Петровичем, вольным художником. Она восхищалась его работами ровно до тех пор, пока он не предложил ей «жить вместе, потому что так проще». Аллу Михайловну вмиг отвернуло от кавалера, его картины она назвала «мазней», а его самого – старым развратником.

– Мама! Что-то ты круто! «Развратник» – то тут при чем?!

– А что это, если не разврат?! – возмущенно потрясая пепельными кудряшками отвечала мать. – Он ведь не о любви говорил, а о совместном проживании. Конечно, ему так проще! Он же успел разглядеть во мне хорошую хозяйку! Понимает, козел лысый, что без завтрака-ужина не останется,

и в чистых носках будет ходить при такой сожительнице, как я! Но меня такой вариант не устраивает, нет уж! Живу, как королева, и менять свою королевскую жизнь не намерена. И вообще, я ненавижу это слово противное – «сожитель»! Это слово для милицейского протокола!

Алиса рассуждала иначе, и готова была с жизнью своей королевской расстаться, но на ее пути все никак не встречался вольный художник, который не только предложил бы ей руку и сердце, но еще и нравился безоговорочно.

Впрочем, муж у нее уже был когда-то, Стас Белянский, с которым они прожили двенадцать лет, и расстались без скандалов. Общее хозяйство – тогда еще не такой дряхлый, как теперь, кот Васька, остался у Алисы. «Коты не любят жилплощадь менять», – обреченно сказал бывший муж, а Алиса поняла, что Васька Стасу просто не нужен, и он дарит его ей с барского плеча, как манто из горноста, и из-за этой мирной договоренности споров по разделу имущества у них не было.

Была еще одна причина, по которой мать и дочь не собирались расставаться со своими свободами – совместное проживание. Когда-то у них были две квартиры: мамина «двушка» в старом доме и «однушка» Алисы улучшенной планировки – в разных районах города. Мать и дочь виделись раз в неделю, и их это вполне устраивало. У Аллы Михайловны была жизнь, которая ей очень нравилась. Она ездила на стареньком, но вполне исправном автомобиле «Фолькс-

ваген-Гольф», посещала все футбольные матчи с участием родной питерской команды «Зенит» и занималась в фитнес-клубе. Да, еще в бассейне плавала, и захаживала со своими подруженицами в сауну. Там они всей компанией мазались сметаной и молотым кофе с солью, а потом пили чай с травами, после чего Алла Михайловна приезжала домой обновленная и омолодившаяся. «Будто в живую воду окунулась!» – докладывала она Алисе по телефону.

Она вполне справлялась сама со своим хозяйством, раз в месяц устраивая в доме генеральную уборку, и даже сама могла поклеить обои. Вот мыть окна ей было уже не так просто, и она приглашала поучаствовать в этом грязном деле дочь. А если Алиске было не до мытья окон, то Алла Михайловна со смехом говорила:

– Да и фиг с ними, с окнами! Помоем в следующие выходные, а пока что я сквозь них и так электричку вижу!

Дом Аллы Михайловны в районе Ленинского проспекта стоял у самой железной дороги, по которой ходили пригородные электрички. По ним она даже время сверяла. Раньше. Тогда, когда электропоезда сновали, как заводные, каждые десять-пятнадцать минут. Потом они стали ходить все реже и реже, и постоянно обманывали Аллу Михайловну. И она давно перестала отмечать в голове время от одного поезда до другого. Да и что ей эти поезда? Ее подруги жили поблизости. А на электропоездах она раз в год ездила в Петергоф на фонтаны в льготный для пенсионеров день работы

парка. Да и то только потому, что в такие дни машину в столице фонтанов припарковать было негде.

Да, так вот, с хозяйством Алла Михайловна худо-бедно справлялась, и даже если окна к Пасхе оставались не помытыми, не переживала и на жизнь не жаловалась.

Более того, поработав лет пять после выхода на пенсию в своем техникуме – Алла Михайловна преподавала историю народных промыслов реставраторам в будущем, а в настоящем – неучам и обалдуям, она поблагодарила руководство учебного заведения за все хорошее, и уехала на заслуженный отдых с легким сердцем и новеньким чайным сервизом синего с золотом кобальта на заднем сидении автомобиля.

Пенсия у Аллы Михайловны была не очень большая, но ей хватало: были у нее кое-какие сбережения, сохранившиеся после мужа – полковника в отставке. Причем, Алла Михайловна умудрилась так крутить эти сбережения, что они в лихие годы не пропали, а даже преумножились. Она давала деньги под хороший процент своему племяннику-бизнесмену Игорю, который ни разу ее не обманул. А когда все утряслось более или менее, она доверила деньги банку, и раз в год получала проценты от вклада. Да и племяннику не жалела, если он просил ссуду. Знала, что не обидит. Одним словом, на «черный день» у Аллы Михайловны было кое-что. От дочки Алиски денег не брала, и каждый раз пыталась ей сама всучить пару сотен за продукты, которые она ей привозила.

Вернувшись в последний раз из своего техникума, где, как ей казалось, ее знания никому были не нужны, Алла Михайловна слегка всплакнула о прежних хороших временах, и решила, что у нее начинается жизнь новая, и прожить ее Алла Михайловна собиралась интересно.

Первое, что она сделала, это была новая модная стрижка – асимметрия с колорированием. Когда Алиса увидела маманю с косо срезанной гривой волос, переливающихся почти всеми цветами радуги, она чуть не подавилась. Потом присмотрелась и сказала:

– А что... Симпатично! Молодец, мамуля!

Мамуля засияла. Она, сказать по совести, немного сомневалась в том, что вот такой авангард на голове не сделает ее смешной. Но Алискиному вкусу она доверяла, и осталась довольна собой: стало быть, есть еще порох кое-где!

И она тут же огорошила дочку еще раз:

– Лиса! Я лечу в Париж!

– Куда?! – Алиса снова едва не подавилась: одна новость похлеще другой будет.

– В Париж! На десять дней. По путевке. Ты же знаешь, я мечтала...

Это Алиса знала: мать мечтала побывать в Париже, но мечтала как-то не активно, что ли. Говорила при этом: «вот как-нибудь когда-нибудь...» И Алиса думала, что мечты эти так и останутся мечтами. Так у многих бывает. А маманя еще и прижимистая в этих вопросах была. Вот тряпку

какую, шубку там, или сапожки – это она с радостью приобретала. Любила покрасоваться. А чтобы вот так, вбухать приличную сумму в путешествие – этого Алла Михайловна Максимова себе позволить не могла.

И вдруг решила. И сразу в Париж.

Она приехала оттуда совсем другой. И два раза в год стала устраивать для себя путешествие туда, куда хотела. Это было для нее признаком свободы, к которой она стремилась.

– Хочу не по телевизору увидеть то, что порой снится, а своими глазами, как Сенкевич или Крылов! Или этот еще, как его, ну, который на лодке через океан!!!...

– Федор Конюхов.

– Точно! Вот, еще, как он!

– Ма, ну, на лодке через океан, как Конюхов, это все-таки ты загнула!

– Ну, на лодке, может быть, и загнула, но, насколько мне известно, он и без лодки попутешествовал не мало! А к слову можно еще и Тура Хейердала вспомнить! – смеялась Анна Михайловна.

– Ну, можно и его! Поняла я: тебе лавры знаменитых путешественников спать не дают!

– Да не лавры, Лис! Просто, и в самом деле хочется мир своими глазами увидеть, хотя бы чуть-чуть...

Но это было раньше. А потом ей вдруг захотелось жить

другой жизнью. В глубине души она давно стала бабушкой, и безумно желала иметь внуков. Ну, или хотя бы одного внука. Или внучку. Но внуками и не пахло. У Лисы со Стасом детей не было. Алла Михайловна несколько раз намекала дочери, что неплохо было бы им провериться, походить по врачам. Алиса кивала, мол, «непременно». С зятем вообще разговоров на эту тему Алла Михайловна не вела: бесполезно было, он все и всегда решал сам. Да, похоже, и не очень хотел детей. Нет, как говорится, и не надо.

Ему-то что!!! Не успели они с Алисой расстаться, как он тут же новой семьей обзавелся. Подружки-нюшки, которые, сидя на лавочке во дворе, знают все про всех, донесли Алле Михайловне, что зятя ее кто-то где-то видел в парке с коляской. Вот это-то очень сильно подкосило Аллу Михайловну.

Алиса не знала, что отсутствие внуков является предметом главных переживаний матери. От нее, конечно, не укрылось, что мама сдала, погрузилась. Да еще и хворать стала как-то странно: у нее все сыпалось из рук. В буквальном смысле. Возьмет банку с огурцами – банка вдребезги, только огурцы скачут по пятнистому линолеуму. Да что банка! Даже более легкие предметы не держались в ее руках.

– Дожила! Лиса, что ж это такое-то? Как будто сил совсем нет, удержать ничего не могу!

– Мам! Ну, витамины надо пить. И к врачу сходи!

– Да хожу я к врачам, да только толку от этого... Она, врач наш, меньше меня знает. Я ей рассказываю, что чувствую,

а она мне: «А как Вы думаете, что это у Вас?» Так что я уж лучше сама. Помажу, да помассирую.

Но ни массажи, ни натирания не помогали. Боли не было, но и сил не было. И Алла Михайловна все чаще стала ловить себя на мысли, что ей ничего не хочется. Утро начиналось скучно, и скучно день протекал, капали минуты до вечера, с наступлением которого Алла Михайловна думала о том, что прожит еще один день. Ну, прожит, и ладно. Сколько их еще осталось, таких пустых дней?

– Мама! Что за настроения?! – ругалась Алиса, когда Алла Михайловна делилась с ней своими не очень радостными мыслями.

– Мне почему-то стало скучно жить... – Алла Михайловна грустно чертила треугольники на салфетке.

– Ну, съезди куда-нибудь!

– Не хочу! Да и не могу... Знаешь, какие-то странные ощущения у меня: руки не поднимаются, силы в них нет, устаю. Ну, куда ехать с такими руками? Я уже и пол помыть не могу...

Алиса внимательно посмотрела на мать. Она и в самом деле изменилась сильно – видно не вооруженным глазом.

– Мам, ну, давай съедемся. Будем жить в одной квартире, тебе станет полегче.

– А тебе?

– А что мне?

– А тебе как будет житься со мной? Я ведь меньше всего хочу обузой стать.

Алла Михайловна таким голосом это сказала, что у Алисы в горле запершило. Так бывает, когда слезы подкатывают внезапно.

– Мам, ну, какая обуза? Ты о чем? Мы с тобой вполне можем выменять хорошую «двушку». У тебя будет своя комната, у меня – своя. А кухня будет общая, там будем смотреть телевизор и пить чай. Ну, соглашайся!

– Лис, ну, ты так резко! Это ведь все обдумать надо...

– Так обдумаешь! Ты принципиально реши сейчас, а потом уже детали будем обдумывать.

Алиса всегда считала, что главное в любом деле – это решение в голове. Стоит его принять, и все потихоньку начинает складываться, словно чемодан к отпуску. А пока нет решения, все это как мечты о Париже: может быть да когда-нибудь.

– Принципиально... Ну, если ты хочешь, и если я мешать твоей жизни не буду, то считай, что принципиально я решила – давай!

После принятого решения Алиса заметила, что настроение у Аллы Михайловны слегка изменилось. Она повеселе- ла, хоть еще было, как говорится, ни коня, ни воза. А еще она стала потихоньку собирать вещи. Часами она перебирала книги. Те, что собиралась взять в другую жизнь, аккуратно перевязывала бечевкой, и ставила стопочки в угол. Те, что уже не были никому нужны, и те, что случайно пылились на стеллажах, она выносила к мусоросборнику, но не выки- дывала в бак, а складывала у помойки – пусть разбирают!

Потом они определились с будущим районом прожи- вания. Решили, что Алиса должна бросить свою Граждан- ку и переехать на Юго-Запад: Алла Михайловна привыкла к этому месту, к поликлинике по прописке, да и к тому, что ее приятельницы живут поблизости.

Надо сказать, что эта мысль – съехаться по-родственному, Аллу Михайловну окрылила. Она хоть и ощущала по-преж- нему страшную усталость, но к ней вернулась былая актив- ность, и она снова стала следить за играми «Зенита», и ес- ли не ездила на стадион, то уж у телевизора высиживала все матчи, и «болела» по полной программе – с пивом, дикими воплями и любимым матерным словом в адрес соперника.

Вот только ездить на машине ей стало как-то не комфо- ртно. Да и куда ей ездить было? Магазин – на первом этаже дома, поликлиника – в соседнем доме, а в парк лучше пеш- ком прогуляться, воздухом подышать. Это хоть какая-то ак- тивность! Но иногда ей очень хотелось, чтобы все верну-

лось, ну, хоть годков на пять назад, чтобы еще не было семидесяти! Она-то хорошо помнила, как восторженно смотрели на нее другие водители. Видят, что не девчонка за рулем, и не бальзаковского возраста дама, а весьма почтенно. Но ведь не уступает никому! Рулит! Да еще и как!

Вот по этому делу она скучала. Но про себя на этот счет грустно говорила: видит око, да зуб неймет. Иногда выходила, садилась в машину, грела двигатель, слушала его неспешный монолог, и думала: «Куда бы поехать?!» А поехать было некуда! И она вылезала, закрывала свой «народный вагон», говорила ему тихонько: «Может быть через неделю...», и через неделю все повторялось.

Квартиру они нашли почти в новом доме – прежние хозяева в ней прожили всего два года. Планировка в «двушке» была удобная, и ремонт просто отличный. И на свои квартиры они легко нашли покупателей. Небольшие квартиры – самый ходовой товар на рынке недвижимости в наши дни.

Посчитали все. Оказалось, что в самый притык по деньгам получается обмен. И даже гонорар Алисиной приятельнице, которая уже много лет занимается сделками по недвижимости, выкраивается из тех денег, что они получают от продажи двух квартир.

Примерно через месяц после того, как подписали договор о сделке, они стали обладательницами документа о собственности, и вздохнули спокойно. Хоть и законно все, и времена

не те, но все, что касается продажи и покупки жилья и Алису, и Аллу Михайловну пугало одинаково.

Потом в один день надо было переехать из двух квартир в одну, и Алиса сбилась с ног, чтобы самой выехать пораньше с Гражданки, разгрузить машину на Юго-Западе, и на ней же, с этими же грузчиками перевезти маму. Поздним вечером они оказались в своем новом совместном гнездышке, как на вещевом складе, заваленном коробками всех размеров, тюками, узлами, и мебелью. Лишь часть ее была поставлена туда, куда и сразу было намечено.

Нашли узлы с постельным бельем, заправили два дивана, и рухнули без чувств, не обращая внимания на мяукающего Васю, который, наверное, хотел есть, пить и найти свой туалет. На самом деле Вася очень переживал перемену места жительства. Кошки не любят переезжать. И еще его тревожили чужие запахи. Может быть, в квартире жили раньше какие-то животные.

Потом Алиса с ужасом вспоминала этот переезд. Все-таки это страшное испытание. Хорошо, что ремонт в квартире был сделан так, что не пришлось еще скакать по верхам, приклеивая обои, и красить двери и окна. Окна в их новой квартире вообще были современные, стеклопакеты. Причем, не пластиковые, а из дерева, что не могло не радовать. Да и вообще грех было обижаться на судьбу: они выменяли симпатичное гнездышко. И полюбили его. Оно сразу стало домом. Не жильем, не квартирой, а именно домом, в котором

было уютно и комфортно. И Вася на следующий день разобрался, где у него еда, где туалет, а где лучше всего спится, и орать перестал.

И как это всегда бывает, они скоро разложили по своим местам книги и кастрюли, повесили шторы, передвинули мебель, как хотелось. У Аллы Михайловны откуда-то взялась необыкновенная прыть, будто в молодости она классически вышла замуж за лейтенанта и поехала с ним по гарнизонам. Она не растерялась, проснувшись на вещевом складе, а бодро взялась за грамотную расстановку мебели, и командовала Алисой и племянником Игорем, который на свою беду вызвался помочь тетушке.

А потом дом ожил: в нем звенел телефон, дзинькал в прихожей домофон, текла в компьютер информационная река по Интернет-кабелю.

И очень быстро дом стал им родным. Вот бывает так: и метров квадратных в достатке, и свет в окнах от пола до потолка, и друзья в восторге от «дворца», а название всему этому – «жилплощадь». А бывает и кухня тесновата, и лоджия крохотная, и этаж не тот, и паркета нет, а это – «дом». И в таком случае, в нем хорошо его обитателям. Вот так было Алисе и Алле Михайловне в их новой квартире. И даже сложный для многих процесс совместного проживания начался у них очень спокойно. Они, как и планировали, встречались по утрам и вечерам на просторной кухне, заваривали крепкий чай, и под телевизор обсуждали события прошедшего

дня – мировые, российские, городские, ну, и свои собственные.

– Тебе стало лучше тут? – спросила в один из таких тихих домашних вечеров Алиса.

– «Лучше»... Мне просто хорошо. И, кажется, я не так устаю, и руки держат...

* * *

А сегодня мать исчезла так рано. Куда?

Алиса аккуратно выехала на шоссе. В этот ранний час пробок еще не было, но они вот-вот и возникнут. Так всегда бывает: только еще было все как по маслу, хоть и не совсем свободно, но в движении. Момент – и все встало. Достаточно одного тихохода, или – еще хуже! – аварии, хоть самой малой, чтобы все остановились, как вкопанные. Вкопанные в асфальтовое покрытие по самые бамперы! И никуда!

Алиса дотянула до виадука. В этот утренний час в сумерках на виадуке хорошо были видны две реки: туда – река из красных огней, навстречу – река из белых огней. И как ни крутись, ты всегда находишься в реке красной, независимо от того, едешь ты туда, или обратно. Парадокс! Ведь обратная река всегда светлая!

Алиса постоянно об этом думала, когда проезжала по виадуку или мосту в сумерках. Всегда в красном потоке. То есть – туда. Даже если она ехала обратно, домой. Вот она,

теория относительности! Как все просто, оказывается. Всегда «туда», даже если обратно.

Пробка началась как раз на виадукке. На самой горке. Пока Алиса торчала в своем красном потоке, она трижды позвонила домой. Ей никто не ответил. В итоге, до работы она добралась в полном раздрае, словно заведенная до отказа пружина.

А день у нее был сложный. Директор компании «Макро+» Сергей Саблин, референтом которого работала Алиса, в этот день проводил большой прием в офисе. С одной стороны – должны были состояться переговоры, ни к чему не обязывающие, с другой – они должны были показать, кто чем дышит. И Алиса должна была увидеть то, что директору из его директорского кресла не всегда видно.

Алиса закрутилась, едва вошла в приемную, как белка в колесе. Она еще раз позвонила домой. И снова безрезультатно. После этого она отключила телефон, чтобы звонки не отвлекали.

Потом часа три она была занята. Но мозг постоянно сверлила мысль: «Куда мать делась? Что с ней?»

Она с трудом дождалась, пока закончатся переговоры, и, сложив в папку свои документы, пулей вылетела за порог. Она запуталась в кнопках телефона, и он никак не хотел включаться. А когда набирала свой домашний номер, то забыла его, и, чертыхаясь, набирала несколько раз.

Ей казалось, что звонок трезвонил битый час, и всей кожей ощущала, как звонит-надрывается в ее квартире трубка на стене в прихожей. Она уже хотела отключиться и ехать домой, как вдруг услышала, что звонки прекратились, и на другом конце мама спокойно сказала:

– Слушаю вас!

– Это я вас слушаю! – Алиса с трудом сдержалась, чтобы не взорваться. – Мама! Ты где пропадала? Я вся извелась!

– Лиса! Прости, я не предупредила, что уйду. Прости.

– Где ты была?

– Ну... – Алла Михайловна замялась, подбирая слова, а потом сказала:

– Давай, я тебе расскажу, когда ты приедешь, ладно?

– У тебя все нормально?

– Все нормально! Прости меня, дуру старую. Я и не думала, что ты так будешь переживать!

– Ну, все-все! Я уже успокоилась. Я скоро приеду...

Алису отпустило после разговора с матерью, а пока она ехала до дома с другого конца города, успела забыть свои утренние переживания, и то, что мать с утра пропала куда-то. Приехала, увидела живую и здоровую, и – и что еще надо?

– Почему ты не спрашиваешь, куда я так рано убежала сегодня?

– Мама, ты так напугала меня, что сейчас у меня просто

отходняк!

– Фи, Лиса! Что за жаргон?! «Отходняк»! Ты говоришь, как будто на нарах сидела!

– Ой, мам, прекрати! Сейчас о русском языке большинство наших соотечественников имеет весьма призрачное представление. Я все-таки его знаю. Ну, а словечки такие... Знаешь, я не отношусь к тем, кто вырос в стерильной банке. Меня, мам, микробы и бациллы не обошли стороной, поэтому нет-нет, да и случается со мной такое. Если урок воспитания закончился, расскажи – куда улетела ни свет – ни заря?

– Лиса! Я поступила на работу. И сегодня у меня был первый рабочий день. Вот! – сказала Алла Михайловна, как выдохнула, и посмотрела на дочь, ожидая ее реакции.

– Куда? – Алиса постучала по поверхности стола наманикюренными ноготками.

Алла Михайловна хорошо знала этот дочкин жест, выражавший недовольство.

– Не нервничай только, пожалуйста, – Алла Михайловна сделала глубокий вдох, такой, как делает пловец перед тем, как нырнуть. – Я поступила на работу в детский дом. Вернее, в приют. Извини, я пока не привыкла к такому названию.

– Час от часу не легче! Мама, а кто говорил мне, что у тебя болят руки? А у кого давление? И что тебе дома не сидится? Ну, что за очередная блажь, а? Тебе не хватает пенсии? Ты удивляешь меня!

Алла Михайловна поджала губы. Она не могла привыкнуть к тому, что Алиса способна была порой дать ей такую вот отповедь. Раньше она этого не замечала, так как не жили вместе, а сейчас все видит, и промолчать не может, а когда получает аргументированный ответ, обижается.

Все-таки, жить вместе – это большое искусство. Даже при большой любви двух родных людей. Особенно, если они не умеют выражать эту любовь. Будучи сентиментальными, Алиса и Алла Михайловна, между тем, никогда не сюсюкали, не целовались при встрече, не обнимались при прощании. Алла Михайловна объясняла эту внешнюю холодность своим скандинавским происхождением. Алиса была склонна думать, что матушка придумала себе свои норвежские корни. Откуда им было взяться? От питерской сырости что ли?

А Алла Михайловна нередко рассказывала дочери историю своего отца, которая с каждым разом обрастала все большими и большими подробностями. Знать ее наверняка Алла Михайловна не могла: отца арестовали в 38-м, через неделю после ее рождения, осудили, как врага народа по 58-й, вклеили десятку «без права переписки», и увезли на север, в Вологодскую область, а потом, вроде, в Воркуту. Следы его быстро затерялись. Говорят, что он писал письма жене Валентине, но их перехватывала ее мать, Алисина прабабка Настя. Перехватывала и уничтожала не читая. И вообще заставила дочь свою Валентину – мать Аллы Михайловны,

отказаться от мужа публично, на комсомольском собрании, что та и сделала.

– Вот так вот взяла и отказалась? – спрашивала Алиса, слушая рассказ бабки Валентины. – Что, встала, и сказала: отказываюсь от мужа?!!

– Встала и сказала, – грустно говорила каждый раз бабка. – А что делать было? У меня ребенок маленький на руках, а меня с ним на лесозаготовки отправили, в лес. Мы тогда на Ладогe жили, там леса много было. И спасибо, что так! Могли следом за ним, как семью врага народа, отправить.

– Какой же он враг-то, баб? Что он сделал-то? – просила бабку рассказывать Алиса.

– Враг народа, а уж за что – не важно. Тогда врагов народа много было, и расправлялись с ними быстро. А моего Мишу за его фамилию в шпионаже обвинили. Это ведь у вас с матерью моя фамилия – Максимовы. А Миша у меня не русскую фамилию носил – Лоринсон.

– Ба, может это еврейская фамилия?

– Ты своего деда-то видела?! «Еврейская»! Мишенька блондин от природы. И вся родня у него такая. Ты вот в их лоринсоновскую породу, такая же блондинистая. Мать твоя, помоложе когда была, тоже белобрысенькая ходила, это уж потом темнеть стала. А Мишка-то глупенький был, двадцати двух лет отроду, мальчишка! Болтал направо и налево, что предки у него – викинги. Шутил так. Вот и дошутился! Хотя, и в самом деле рассказывал он мне про бабку с дедом,

которых он и не видел-то никогда. Просто семейные предания. А вот как все вышло: шпионаж в пользу скандинавских разведок Мишке пришили. Так и сгинул в лагерях...

Может быть, история эта про корни скандинавские у Аллы Михайловны и Алисы была чистой выдумкой их отца и деда Михаила Лоринсона, но и мать, и дочь были, как их древние предки – настоящие ли, выдуманные ли – викинги, в чувствах сдержанны и холодны. И только они сами знали, как умеют любить и ненавидеть, как могут искренне радоваться за другого человека и как могут резко осудить, если надо. Крайности, грани которых не видны были постороннему глазу, но которые порой дико резали по живому.

И от него же, от Лоринсона и его родственников-викингов, видимо, была у них в характерах такая черта, как упрямство. Скажем прямо, не такая уж и плохая черта! Без нее трудно чего-либо в жизни добиться. И поэтому, услышав от матери о ее новом чудачестве, коих у нее и без того было не мало, Алиса не могла уговориться:

– Мам, ну, скажи мне: зачем тебе все это нужно? Ты не молодая, скакать по лужайкам с детьми. Они же не сидят на месте! Ты будешь уставать с ними.

– Я от себя устала, Лиса. Устала быть одна, когда тебя нет дома. А когда ты дома, когда запираешься в своей комнате и часами смотришь в свой компьютер, я не знаю, куда себя девать. А когда ты не смотришь в монитор, тебе хочется по-

смотреть телевизор, а я его на всю оставшуюся жизнь в своем одиночестве насмотрелась...

Алиса покраснела. Как-то не думала она, что матери не хватает общения. Вроде, утром встречались за столом, пили чай. Вечером ужинали вместе, смотрели телевизор, иногда какое-нибудь кино обсуждали.

Да, Алиса любила посидеть за компом. И не только в Интернете. Была у нее на рабочем столе любимая папочка, в которую Алиса стихи писала. Ну, или что-то похожее на стихи, потому что она боялась этим словом возвышенным называть то, что делала: нанизывала на строчку зарифмованные слова – словно бусины на нитку...

В них много всего было. И о природе, и о погоде, и о любви. О журавлях, которые по осени серым гомонящим клином улетают на юг, и о том, как белые лебеди по весне прилетают на Финский залив. Мысли, которые просились наружу, выхода ждали, и она давала им этот выход. И уж никак не думала, что это ее невинное занятие съедает прорву времени. Ей казалось, что она «нанизывала» не так часто, от случая к случаю. А вот мать говорит, что дома она только этим и занята.

И тут до Алисы дошло. «Батюшки светы! Да она же ревнует меня к моим делам! Я-то привыкла жить одна, привыкла временем своим распоряжаться по своему усмотрению. И она привыкла к этому. А сейчас у нас появилось общая

жизнь в одной квартире, и ей нужно внимание. А от меня его не дождешься!»

– Мам, ты ревнуешь меня к моим делам, да? – тихо, без напряжения спросила Алиса. Алла Михайловна хлопнула носом, хотела возразить, а потом согласно кивнула.

– Ага! Ревную, вроде. Потому что ты моя и не моя. И потому что давно пришло время внуков нянчить, а у меня их нет. И, похоже, не будет...

Алла Михайловна помолчала. Покосилась на дочку. Алиса увидела взгляд ее, улыбнулась.

– Мам, ну, мир, что ли?

– Мир...

– И я не рычу на тебя за то, что ты работу нашла, и ты не обижаешься и не придумываешь себе того, чего нет! Договорились?

– Договорились.

– Ну, рассказывай, что за детки там, чем ты с ними занимаешься?

Весь следующий час Алиса слушала рассказы матери о детях из младшей группы, про то, как ее приняли в коллективе детского дома, вернее, приюта, и думала о том, что это даже хорошо, что мама нашла для себя новое занятие, которое ей по душе. «В конце концов, оно не хуже, чем ее увлечение футболом, которое когда-то до фанатизма доходило. Стыдно кому сказать: почтенная тетенька моталась на „Пет-

ровский“, сидела среди орущей и свистящей молодежи, сама орала разные нехорошие кричалки. А тут занятие мирное, рядом с домом, да еще и платить за это будут».

– ... деньги, конечно, не очень большие, но и работать каких-то три часа. Да я и не из-за денег, Лиса...

– Я знаю, мама! Вопрос закрыт, я принимаю твое решение. Только, пожалуйста, без фанатизма, и за давлением следи, хорошо?

Алиса поднялась из-за стола.

– Но образ жизни менять не будем, – как можно мягче сказала она, и удалилась в свою комнату, прикрыв за собою дверь. Правда, не до конца, не плотно, как это делала всегда.

* * *

Серьезное это дело – образ жизни. Вырабатывается с годами. Менять его – дорогое удовольствие. Проще все вокруг подчинить себе.

Вот Алиса, например, привыкла к вольному образу жизни. Ну, скажем так, к относительно вольному. Когда ее по великому благу устраивали на работу референтом к Саблину, она готова была плюнуть на хорошую зарплату и нежное к себе отношение гендиректора компании, если бы ей надо было ежедневно являться к определенному часу на работу. По идее-то надо, конечно, к определенному часу, но она выторговала у Саблина поблажку для себя – приезжать на ра-

боту не с раннего утра, а по мере надобности. Правда, в ответ на доброе к себе отношение и сама готова была в командировки с директором ездить, а пахали в этих поездках по двадцать четыре часа в сутки, и вечерами на встречи с компаниями и нужными людьми приезжала без возражений. Ну, и уж если какое мероприятие затевалось рано утром, то она без отговорок была на месте не позже, чем за час до нужного времени. И только она одна знала, в котором часу ей пришлось в этот день встать, чтобы успеть собраться, пробиться через все утренние пробки, и выглядеть при этом на пять с «плюсом». Прическа, маникюр, колготки не задом наперед, а как надо, и бюстгальтер под белой прозрачной кофточкой белый, а не бежевый. Кто понимает, о чем это, тот понимает и то, сколько времени это отнимает у женщины. Особенно, если накануне что-то было не готово, или вечером она ехала не сразу домой, а к Сергею Саблину.

С генеральным директором компании «Макро+» Сергеем Саблиным у нее был служебный роман. Правда, у Саблина не было семьи. Вернее, была, но в прошлом. И у Алисы не было мужа. Вернее, тоже был в прошлом. Поэтому никого особенно их отношения не забавляли. Свободные люди. У них, знаете ли, запросто роман может случиться. В том числе, и служебный, коль уж довелось им вместе работать. На работу к нему Алиса не с улицы пришла, а по великому благу – через своих преданных друзей. Лариска и Вадик Косицкие – однокурсники Алисы и большие друзья Саблина

постарались. В результате Алиса нашла место работы, которое ее устраивало, а Саблин нашел умную и симпатичную женщину, которая не только оказалась толковым работником, но и по-женски понимала его с одного взгляда.

Отношения между ними возникли почти сразу же. Алиса с удовольствием принимала ухаживания директора. И на работе ее с первого дня приняли как «девушку самого», и «сам» не старался скрывать того, что ухаживает за Алисой. Он называл ее своей «левой рукой». Если учесть, что Саблин был левшой, то Алиса была важнее саблинского заместителя Андрея Маркова, который был «правой рукой».

Но отношения эти были с первого дня определенными. Про такие говорят – без продолжения. Казалось бы, люди друг другу симпатичные, одинокие, без проблем, которые могут помешать быть вместе, и даже с жильем. «Что мешает вам быть вместе?!» – допрашивали Алису и Сергея по очереди их общие друзья Косицкие. И с той, и с другой стороны получали одинаковый ответ:

– А зачем нам быть вместе? Нам и так хорошо...

Лариса Косицкая попыталась поговорить по душам с Алисой, но вытянуть подругу на какой-то душевный разговор у нее не получилось.

– Ларис! Нет предмета разговора, пойми ты! Как бы тебе объяснить, чтоб и самой не запутаться... У нас с Сергеем нет ничего общего. Такого, что могло бы связать нас с ним

не только общением на работе и, пардон, не хочу ранить ваш утонченный слух, в постели, но еще и на уровне душевном. Духовном. Не знаю, как лучше сказать – душевном или духовном. Но суть от этого не меняется! Нет у нас этого общего духовного. Или душевного. И к счастью, этого нет не только у меня, но и у Сергея тоже. Мы – партнеры. И не более.

Лариса посмотрела на нее с ярко выраженным удивлением. Она хлопала глазами, опущенными длинными, как у теленка, ресницами. Потом пожевала нижнюю губу, и с сомнением спросила:

– Лис, может вам с ним заняться чем-нибудь... духовным?

Тут пришла очередь Алисы посмотреть на подругу с нескрываемым удивлением:

– Что ты в виду имеешь?

– Ну, что... Ну, я не знаю – что! Ну, может вам общее хобби какое-то найти? Например, бальные танцы!

– Ага! Или марки собирать! Косицкая! Ты неисправима! Ты, как и двадцать лет назад все такая же активистка, мечтающая сделать мир совершенным! А это утопия. Поверь на слово, нас все устраивает.

– Да знаю я! – раздраженно отвечала Лариса Косицкая. – Он точно так же говорит! И тоже все про то, что вы – партнеры, и вас все это устраивает.

– Ну, вот! Как видишь, никто не обижен!

Алиса и в самом деле совершенно не считала себя оби-

женной. Для нее это были временные отношения. Как она сама себе говорила: встречу – полюблю, тогда и буду менять жизнь.

Но время шло, а ничего не менялось, потому что никто не встречался, и она ни в кого не влюблялась. И привыкла к этим отношениям. Они с Саблиным были друзьями, но не такими, когда друг за другом в огонь и в воду, а такими, которые друг друга не обременяют своими проблемами. Алиса знала, что случись в ее жизни что-то серьезное, она даже не будет ставить в известность Саблина, и ждать от него ничего не будет.

Кто-то скажет, что это не дружба, а... Ну, хорошо! Не дружба, а партнерство. Подумаешь, в формулировке малость ошиблась! Зато и разочарований не будет, как у других, когда вчерашние друзья друг друга предадут легче легкого.

Сергей Саблин стал хорошей привычкой в жизни Алисы. С ним у нее все было по расписанию. Причем, по рабочему – по расписанию встреч и переговоров, отступить от которого было нельзя ни на один шаг, потому что от этого зависело процветание и благополучие компании. И, намечая свидание с Алисой на своей загородной даче, Саблин изучал расписание встреч и переговоров. Сначала – самолеты, девушки – потом.

Понятно, что Аллу Михайловну такой образ жизни дочери не очень радовал. А чему тут радоваться? Ни невеста, ни жена, ни, прости господи, сожительница. Она ничего не знала про Саблина, просто догадывалась, что у Алисы кто-то есть. «А если есть, то какого черта не женится?» – злилась Алла Михайловна на не известного ей мужчину, который, по ее мнению, морочил Лисе голову. И в один прекрасный день, она подступила к дочери с этим вопросом: «Почему не женится?»

– Кто? – удивленно спросила Алиса.

– Конь в пальто! – парировала мать. – Он!!! Лисочек, ведь если у вас отношения, то они должны как-то хотя бы в совместное проживание переродиться!

– Мама! Ну, еще и ты сюда! Ларка замучила, а теперь еще и ты вмешиваешься в то, во что не стоит лезть никому! Ну, как тебе объяснить, что я не собираюсь ни с кем проживать?! Я с тобой проживаю! Неужели тебе это не нравится?

– Ну, и молчу! – Алла Михайловна обидчиво поджала губы, и больше не произнесла в этот вечер ни слова. А на следующий день покопалась в записной книжке Алисы, нашла телефон Косицких, и позвонила Ларисе.

Она уговорила дочкину подружку не продавать ее ни под каким предлогом и попросила ответить только на один вопрос: почему и доколе???

Потом она слушала объяснения Ларисы Косицкой, которая и сама была в полном недоумении, потому что «Алиску

специально и на работу устроили к этому не женатому Саблину, и нравятся они друг другу, и встречаются – что тут таить-то!»

– Но вот семью заводить не хотят ни он, ни она! Как договорились!

Алла Михайловна еще раз попросила Ларису не рассказывать Алисе о ее звонке, и тихонько, будто хрустальную, положила трубку на место.

Видимо, надо смириться. Наверное, она чего-то в этой жизни не понимает.

* * *

Что такое счастье, не знает толком никто. Наверное, это состояние комфорта и спокойствия во всем. А может, эйфория и праздник в сердце! А для кого-то это вообще что-то частное, редкое, другим не понятное, например, решение сложной математической задачи, за которую некое математическое сообщество готово отвалить миллион долларов, а тот, кому посчастливилось ее, эту задачу решить, от этого миллиона легко отказывается. И сам себе объяснить не может – почему?! Потому что ему без денег хорошо! Он счастлив оттого, что у него удачно сложились все циферки в стройную формулу, в конце которой нарисовалось некое число. И между этим числом и цепочкой решения можно было смело ставить знак равенства. А до него миллионы ма-

тематиков решали эту задачу, желая получить миллион долларов, и решить не могли. А он решил! И миллион долларов ему совсем не нужен! Вот такое счастье тоже бывает.

Алла Михайловна, обретя новое дело в жизни, была счастлива. Такие же чувства она испытывала тридцать восемь лет назад, когда в их доме появилась маленькая Лиса. Имя это сразу приросло к девочке с утонченными чертами лица, с косым разрезом зеленых глаз, с золотистым пушком волос на макушке. Едва малышка научилась ходить, как она тут же подтвердила свое имя. Кажется, кокетничать она стала одновременно с тем, как решила признать свой синий эмалированный горшок необходимой в хозяйстве вещью. Даже восседая на нем, как на троне, Алиска смешно косила глазки, и была похожа на симпатичного лисенка.

Папашка Лисы сбежал из-под венца, когда узнал, что Алла Максимова ждет ребенка. Хотя до этого момента он был готов стать мужем. Вот только становиться так быстро отцом он не собирался. Ну, мало ли как бы там дальше все сложилось? А вдруг не получилось бы у него с Аллочкой жить в семье?! Тем более, что мамаша ее, тетя Валя, совсем не радовала своим присутствием, а отдельного жилья у молодых не было. Одним словом, жених передумал становиться мужем и папашей, и сбежал.

Аллочка подлости такой не простила, и отцом своего ребенка его не считала. Разыскивать мерзавца она не собиралась. Гордость задушила ее до той степени, что она даже от-

чество Алисе дала свое – Михайловна, ну, и фамилию, разумеется, свою – Максимова. А сбежавшего мерзавца называла простым местоимением «он». Он – существо без имени и фамилии, просто существо, умеющее пить и жрать, трусливое и подлое. Кстати, очень скоро о нем в доме Максимовых забыли, и не вспоминали – поводов не было. А очень скоро Алла Михайловна вышла замуж за капитана Юрия Геннадьевича Васькова. При этом себе и дочке она, помня о подлости всех мужиков на свете, на всякий случай оставила свою девичью фамилию. И сколько муж не уговаривал ее «переписать» дочку на его фамилию, она не торопилась этого сделать, в итоге все привыкли к тому, что у них в доме, не как у других, и вопросы об этом никто не задавал.

Юрий Геннадьевич вырастил Алису, как родную дочь. Своих детей у него с Аллой Михайловной так и не получилось. То ли она, помня о том, кто бросил ее беременной, не желала больше таких испытаний, то ли просто не судьба – сказать трудно.

Юрий Геннадьевич любил свою Аллочку, холил и лелеял ее, и Алису никогда не обижал. Он очень расстроился, когда Алла Михайловна приняла странное решение – рассказать дочке о том, что он не родной отец ей.

– Лучше я, чем «добрые» соседи, – пояснила Алла Михайловна.

– Аллочка, ну, давай поменяем квартиру, и все дела! – предложил муж. Но Алла Михайловна категорически отка-

залась от этого предложения. Ленинград хоть и большой город, и гора с горой не сходится, а вот человек с человеком – запросто. И объясняйся потом, как знаешь.

– Да уже чего проще! – уговаривал ее муж. – Скажем так: «Ты кому больше веришь – нам или посторонним людям?!»

Но Алла Михайловна сделала по-своему, о чем не жалела, так как произошло как раз то, что она и предвидела: нашлись те, кто захотел Алисе рассказать историю ее девичьей фамилии. Но она не удивилась, и сказала, что знает все: Юрий Геннадьевич ей не родной папа, но любит она его от этого не меньше.

И это на самом деле так было. Любила Алиса отчима и уважала, как родного отца. Вот только судьбой отпущено им было совсем немного этой счастливой жизни: муж у Аллы Михайловны ушел рано – сердце подвело. Дослужился до полковника, Алису вырастил и в одно тихое и прозрачное утро, когда в городе не бывает ночей, а под окнами наявиваются любовные мелодии знаменитые ленинградские соловьи, он не проснулся.

Алла Михайловна смерть мужа перенесла тяжело, хоть и не показывала никому, как ей плохо. А потом поняла, что был ее незабвенный Юрий Геннадьевич «самым-самым», что лучше просто и быть не может, да и до его уровня редко кто дотягивает. Словом, планка была так высоко задрана, что Алла Михайловна скоро поняла: быть ей одной.

И она не очень-то горевала об этом: что горевать, если

лучший мужчина в лучшем из миров, а другие не нужны?! А вот за Алиску очень переживала. И придирчиво рассматривала каждого ее кавалера. И про каждого она могла сказать: «Не для тебя я, Вася-Петя-Коля, растила свою дочь!», но она благоразумно молчала, в лоб не била, надеясь, что девочка ее сама поймет, что ее фрукт не дозрел еще.

Алиса окончила школу, потом институт, и все это легко и просто, с хорошими знаниями и оценками, и это еще больше укрепляло Аллу Михайловну в мысли, что кавалеры все какие-то «не такие» вокруг нее, не достойные светлого облика ее дочки. И когда на горизонте возник Стас Белянский, которого Алла Михайловна хорошо знала, хоть и не лично, а всего лишь «по телевизору», она нашептала Алисе в ушко, мол, жених, что надо! Стас личностью был известной, как он сам говорил, «в узких кругах»: он работал спортивным комментатором, и Алла Михайловна входила в тот самый «узкий круг».

Алиса футболом не увлекалась, была равнодушна к нему, о чем Стасу при знакомстве сразу сказала. Комментатор был задет в лучших чувствах, и забился с друзьями на то, что не только «заразит» девушку футболом, но и под венец ее уведет. Ему удалось сделать последнее, хоть и не так просто все было: Алиса требовала старомодных ухаживаний, а спортивная звезда привыкла к тому, что девки к ней сами липли.

Футболом Алиса так и не увлеклась, как не старалась. Но уважала страсть мужа и мамы. Во всяком случае, не ме-

шала им наслаждаться зрелищем и обсуждать его подолгу сначала на общей кухне, а потом и по телефону: через год после Алисиного замужества Алла Михайловна решила, что детям нужно жить одним, и они разменяли удобную и большую квартиру полковника Васькова.

Правда, Алла Михайловна очень боялась, что в один прекрасный день дочь скажет ей, что она станет бабушкой. Одно это понятие – «бабушка» – убивало ее наповал. Бабушка – это старомодная кофточка и фиолетовые букли под шляпкой, ежедневные визиты к участковому доктору и диета с непременно овсянкой по утрам, нарушенный ритм жизни и постоянные переживания за дочку, которой будет не до отдыха. Вот что такое было для нее бабушкино счастье! И она всячески желала, чтобы молодые пожили, как говорится, для себя.

А у них и получалось для себя. Алиса со Стасом завели кота Васю – обычного помоечного полосатика, только взятого не с улицы, а по объявлению. Вот с Васей и нянчились, а, уезжая в отпуск, отдавали его на воспитание «бабушке».

Потом Алиса загремела в больницу с какими-то странными болями в животе. Стас устроил ее по знакомству в хорошую клинику, откуда Алиса ежевечерне уезжала домой. Но боли не прекращались, а диагноз так и не был поставлен, и через неделю приятель Стаса, хирург, сказал, что УЗИ показывает что-то не понятное им, похожее на достаточно большую опухоль.

– Надо оперировать, и немедленно!

За два дня до операции Алиса приготовила Стасу обед на неделю, перестирала все, что можно перестирать, перегладила белье, сделала в доме генеральную уборку. Все это через силу, так как порой боль в животе скручивала ее в спираль.

Все это время из головы у нее не выходило это страшное слово – «опухоль». Она думала о том, что будет с мамой, когда та узнает все. Врача знакомого Стас по ее просьбе предупредил, чтобы Алле Михайловне ни слова ни о чем не говорили, что бы там не открылось во время операции. И упаси бог произносить это слово страшное – «опухоль»! Он все это обсуждал с Алисой, которая рада была, что он так трепетно относится к ее маме. Но при этом она сама чувствовала себя каким-то подопытным кроликом. И в голову упрямо лезли мысли о том, что она так мало пожила, и хорошо, что нет детей – хоть сиротами не останутся, ежели что... А что это «ежели», она хорошо понимала, и за два дня до операции шла в клинику, как на Голгофу.

Вообще-то, как только первый раз прозвучало слово «опухоль», доктор ее, Илья Леонидович, запретил ей уезжать из больницы:

– Мало ли что случится в дороге, Алиса Михайловна, – заботливо говорил он. – Все-таки с острой болью шутить нельзя.

Но Алиса и слышать не хотела, чтобы лежать в больнице безвылазно, обрастая дюжиной разномастных пластиковых пакетов с тапочками, халатами, пижамами, кружками и книжками. Она сказала, что будет ездить аккуратно и в случае чего немедленно берет такси – и в больницу.

Ну, а когда УЗИ показало эту самую опухоль в брюшной полости, и врачи приняли решение – оперировать, на раздумывания у Алисы времени не было. В понедельник, который неспроста считается днем тяжелым, стало известно про опухоль, а на четверг назначили операцию.

Алле Михайловне удалось наплести про аппендицит – спасибо доктору, не подвел, и, отводя глаза в сторону, сказал, что есть подозрения именно на этот окаянный червеобразный отросток.

Стас был как-то фальшиво бодр, и Алиса понимала, что за этой бодростью скрывается его растерянность. Все-таки, не банальный аппендицит, а что-то неизвестное и страшное должно было показать хирургическое вмешательство. Потому и шла она в клинику, как на Голгофу, опасаясь не столько за исход операции, сколько за информацию, которую ей потом придется принять.

В то операционное утро ее трясло так, что она держала руками нижнюю челюсть, чтобы зубы не плясали во рту. При этом у нее стучали коленки, и это было видно со стороны. Чернокожий доктор Джон – практикант из Марсея, который должен был ассистировать Илье Леонидовичу, пробе-

гая мимо Алисы, заботливо клал руку на ее подпрыгивающее колено, остро выпиравшее под покрывалом, и улыбался ей большой белозубой улыбкой. А потом вкатил ей укол какого-то предоперационного дурмана, и пляски святого Витта через минуту прекратились. Алиса успокоилась, и все дальнейшие подготовительные процедуры пережила без переживаний и дерганья, и совсем незаметно провалилась в сон, вызванный наркозом.

Она очнулась в полной темноте какого-то зеленоватого оттенка, почувствовала под собой холодный металл стола, укрытый лишь тонкой простынкой – во всяком случае, ей так показалось, что стол металлический, жесткий и холодный. Дышать было трудно.

«Ну, вот... Если я не загнулась во время операции, то склею лапы прямо сейчас, – подумала Алиса. – А может я уже там?...»

В ту же секунду из трахеи у нее выдернули трубку. Ну, это она потом от таких же прооперированных узнала, что для наркоза куда-то в трахею, через горло, вставляют трубку – для подачи наркоза. К счастью, больной, которого готовят к операции, не ощущает, как эту трубку ему суют в горло! Это же надо такое придумать: живому человеку и трубку! И куда?! Прямо в горло! Алиса, у которой даже с зубной щеткой большой дружбы не было, в том смысле, что давилась она от нее, – от этой трубки наркозной вообще карачуп схва-

тила бы! Удавилась бы до начала процесса.

Но все закончилось, и трубку извлекли благополучно, и тельце отправили на каталке не в морг, а в послеоперационную палату, а когда она очухалась от наркоза, к ней пришел доктор Илья Леонидович, и, улыбаясь, сказал ей:

– Ну, вот, уважаемая Алиса Михайловна, все закончилось и очень благополучно для всех!

– Что у меня было? – спросила она слабым голосом.

– У вас была внематочная беременность, причем такая древняя, что ничего конкретного я даже сказать не могу. Плод из лопнувшей трубы попал в брюшную полость, где и болтался неизвестно сколько. Его-то мы и приняли за опухоль. Удивляет одно: как вы сами проморгали тот момент, когда все это произошло?!

Да уж! Как она «проморгала» лопнувшую трубу – это еще как-то можно объяснить. Было больно, да. Она думала, что у нее придатки застужены. А вот как она беременность «проморгала»??? Наверное, тоже списала на придатки.

От Аллы Михайловны Стас и Алиса тогда скрыли истинную причину ее пребывания в больнице. Она лежала в хирургическом отделении, а не в гинекологии, и «острый аппендицит» вполне прокатил для мамы, которая навещала дочку.

А вот в организме у Алисы произошли необратимые процессы, которые так и не позволили ей стать матерью, хотя

врачи, которые консультировали ее, говорили, что это возможно. Правда, и риск огромный того, что все может повториться снова.

Стаса сначала все это устраивало – они и сразу собирались пожить для себя, посмотреть мир, заняться самообразованием. А потом его стало все раздражать, и он как-то очень уж нежно стал поглядывать на беременных теток и детские коляски. Это было невероятно, но факт! И когда в один прекрасный день Стас сказал Алисе, что у него будет ребенок с другой женщиной, она поняла его. Скандалов устраивать не стала, отпустила с миром, сказав, правда, во след – «Предатель!», и осталась одна в пустой квартире, с престарелым Васей, который оказался не нужным бывшему мужу. Не велико богатство, да и кто знает, вдруг у маленького будет аллергия на шерсть кота?!

Впрочем, про аллергию-то он зря и думал: Алиса Васю не отдала бы. Ни за что! Самой нужен. Да вот хотя бы в качестве жилетки. Она поплакала, обнимая Васю, он терпел ее рыдания прямо в ухо, потом аккуратно выбрался из кольца ее рук, и отправился на кухню – открывать лапой шкафчик с кошачьей жратвой.

«Ну, да, он тоже мужик, обыкновенный кошачий мужик, хоть и кастрированный! И на уме у него только одно – бабы и жрачка! Хотя, нет, у кастрированных вообще только жрачка!» – беззлобно подумала про него Алиса, и тоже пошла в кухню – Васю покормить и самой заесть обиду на мужа.

Она не скоро отошла от душевной травмы. Сначала плакала, потом злость на бывшего захлестывала ее через край, потом она оправдывала его, потом накатывала жалость по отношению к себе, а потом снова ее накрывала обида. И так кругами, спиралями. Примерно, в течение полугода.

Потом ее отпустило. И хоть Алла Михайловна еще кипела, вспоминая Стаса, Алиса не поддерживала ее в таких разговорах, более того – гасила их. И, наконец, волны этой истории улеглись, и у Аллы Михайловны нашлись другие темы для разговоров с дочерью. И только неудовлетворенное желание стать бабушкой порой не давало ей покоя.

И вдруг привалило столько счастья сразу, что она захлебывалась им. Она не могла спокойно рассказывать о маленьких Маше и Даше, о том, какие у них реснички и глазки, о Ване и Витеньке, о том, как один научился читать по слогам, а другой уже хорошо выговаривает букву «Р».

Но больше всего разговоров было о мальчике Мишеньке, которого Алла Михайловна так и звала – «Мишенька». Она говорила о нем постоянно, и голос у нее менялся. Она просто задыхалась от счастья.

– Мам, а ты не много внимания уделяешь одному ребенку? Не будет ли от этого плохо другим детям?

– Ну, твоя мать пока что не сошла с ума! – Алла Михайловна внимательно посмотрела на дочь. – Надеюсь, ты пом-

нишь, что я – педагог?!

В голосе у нее Алиса услышала незнакомые нотки. Ох, как же хорошо, что мама ее не учила в школе!

– Я, Алиска, если глажу по головке, то не только Мишеньку, а всех. Мне сначала сказали, что лучше этого не делать – не жалеть, не ласкать. Но как?! Как быть равнодушной, если они, как котята в руки лезут?! Нет уж, или я работаю так, как умею, или не работаю совсем!

II

Конец осени был солнечным, словно природа желала загладить свою вину за хмурое лето, в котором было всего-то пара теплых недель, и за дождливый сентябрь.

Солнце октября грело мало, да и то в первой половине дня. Но этого хватало для хорошего настроения. Но уже в начале ноября зарядили холодные проливные дожди, и серое ватное небо накрыло город сверху. Эта вата отсырела за три дня и больше не просыхала, и считанные дни оставались до того противного момента, когда ртутный столбик термометра остановится на ноле, и с неба посыплется первая снежная крупа.

По осени у Аллы Михайловны стали нестерпимо ныть суставы на руках. Она перевязывала запястья связанными из собачьей шерсти полосками и баюкала то одну, то другую руку. А они все болели и болели. «На погоду!» – говорила Алла Михайловна, и кляла эту погоду, и ждала перемен к лучшему. А их все не было.

Снова вернулись забытая тяжесть в руках и усталость. Даже пакет с хлебом был для нее порой не подъемным. И настроение от этого было плохим. Растирая суставы, Алла Михайловна ныла, могла даже всплакнуть. Она даже слово свое придумала тому, что с ней происходит – «тоснут». Дословно это звучало так: «Тоснут рученьки, спасу нет!»

– Тоснут – это ноют? – спрашивала Алиса, чтобы отвлечь мать от ее болезни.

– Хуже! Тоснут – это немеют! – у Аллы Михайловны это получалось с вызовом, будто кто-то из окружающих был виноват в ее беде.

– Мам, ну, что ты самолечением занимаешься? Давай, к врачу, что ли, съезди?

– Наши врачи ни фига не понимают в этом!

– Ну, сходи не к «нашим»! Есть центр, где отличные специалисты работают – рекомендую! – Алиса начеркала на листочке бумаги схему проезда в специализированную клинику, куда Алла Михайловна и отправилась через пару дней.

Приехала от врача задумчивая, озабоченная.

– Врач сказала, что ей мой позвоночник не нравится. Как будто мне он нравится! Но более всего мне не нравится, как она мне это объяснила...

– Мам, она что-то конкретное сказала?

– Она рекомендовала сделать томографию позвоночника. И при чем тут позвоночник, если болят у меня руки?! Но крутила и вертела она меня долго...

Алла Михайловна замолчала. Она думала, говорить или нет Алиске о том, что врач остеопат, покрутив ее туда-сюда почти час, сказала, что лечить ее не берется.

– Да, ваша проблема с руками – это от позвоночника. Но вот с ним самим все не так просто. Надо для начала сде-

лать МРТ. Начните с этого, а там уже будет видно, что делать дальше, – дала рекомендацию врач.

Казалось бы, она не сказала ничего такого, что могло бы насторожить, но Алла Михайловна ощутила какую-то тревогу в ее словах. Какая-то излишняя забота, что ли, прозвучала в них. Впрочем, может быть за деньги так принято лечить?

– Лис, она вот мне написала, где эту МРТ сделать нужно, и телефон. Ты позвони, запиши, что ль, меня. Надо все-таки докопаться до истины...

Истина была такой, что хотелось уснуть, потом проснуться, и чтобы все-все оказалось просто страшным сном, чтобы можно было улыбнуться и сказать себе: «Тьфу! Ну, и приснится же такой кошмар!»

Но на улице падал настоящий снег, холодный и мокрый, и ветер бросал его в лицо прохожим, и от него сразу становилось мокро и противно. Такое не может сниться. Такое происходит только наяву.

Алиса поддерживала под руку мать, которая буквально за минуту стала какой-то беспомощной, как ребенок. Она неуклюже ступила с последней ступеньки крыльца и покачнулась. И Алиса испугалась за нее, подхватила, но не обняла, как нужно было бы. Черт бы их побрал, эти скандинавские корни, что даже в такие минуты начинают наружу вылезать!

Они какое-то время шли молча, потому что слова были

лишними. Да и что можно было сказать? Что значили их слова после вердикта доктора Стасова – светила военно-медицинского, главного у них по заболеваниям спинного мозга.

– ... Врать и успокаивать не буду, – сказал Стасов, отложив снимки в сторону и пуская сизый дым из кривой курительной трубки под высокий потолок своего профессорского кабинета. – У вас опухоль спинного мозга. Что можно сделать? Можно сделать операцию. Какие гарантии? Никаких! После операции вы можете выздороветь полностью, а можете стать инвалидом, причем, глубоким инвалидом. Ну, и самый последний вариант – летальный исход. Да-да, этого я тоже не исключаю.

Доктор говорил дальше о выборе больного, о том, чего ждать дальше, о том, как жить, если отказаться от операции, но ни Алиса, ни Алла Михайловна его не слышали. Звучки пробивались, как сквозь вату, которой затыкают больные уши, и информация не трогала ни ум, ни сердце. Да и какой смысл был в этой информации, если было сказано самое главное, это вот страшное слово – «опухоль». Раньше больным его не говорили. Шепотом и родственникам. А теперь, как хрен с горы – «опухоль»!

Алла Михайловна кивала доктору, соглашаясь со всем сказанным, а потом дрогнувшим голосом спросила, как самое важное, что ей хотелось знать:

– Доктор, а может быть... какие-нибудь травы, может

быть, нетрадиционное какое-нибудь лечение, а?

– Я – хирург, уважаемая... Алла Михайловна, – Стасов заглянул в карточку, подсмотрел имя-отчество пациентки. – Я – хирург, а не травник. Я знаю свою работу. И я вам озвучил, что можно сделать. Со всем остальным – не ко мне.

– Ну, да... не к вам... Тогда мы пойдем? Я должна подумать.

– Идите, – Стасов встал, провожая пациентку, и снова выпустил столб сизого дыма в потолок. – И думайте – это ваше право.

Вот с этим они и вышли на крыльцо, и попали прямо в метель, которая секла снегом по лицу, стегала колючим ветром, – какой уж тут дурной сон! Настоящая дурная реальность.

Алиса подхватила мать под руку, и они побрели к метро, где оставили машину на стоянке, медленно и печально, как на похоронах.

Алисе не раз и не два приходилось слышать о том, как эта беда обрушивается на людей. И среди ее знакомых были... Да, именно были. Тогда были, а теперь уже нет, кончились. Взять хотя бы Иришку – переводчицу с немецкого, заводную и оригинальную, вечно со сногшибательной прической, в безумном платье невероятной расцветки и каким-нибудь косым вырезом, сквозь который видно было офигительное

белье из Парижа, с приключениями и многочисленными мужиками, которых она любила, и которые пользовались этой ее открытой детской любовью. Она, одна, как штык, сирота с детства, выгрызла своим характером образование и отличную работу, сделала карьеру, и в тридцать семь лет вдруг на зависть всем выскочила замуж за босса из большой серьезной промышленной группы.

Девушки в издательстве, в котором Иришка была выпускающим редактором, от зависти чуть не передохли. Они со своими выточенными природой и фитнесом с массажем телами, которые холили и лелеяли с утра до вечера, – то обжигали их искусственным загаром, то морозили искусственным холодом, с искусственными глазами и бюстами, с губами не природного происхождения, и прочими женскими прелестями, не могли понять, что этот красавец Григорьев, давно и надежно разведенный, по-честному одинокий и безумно богатый, нашел в этой Иришке-замухрышке! У нее, по их мнению, «ни кожи, ни рожи», а он ее взялся на руках носить. И лопоухая не красавица, но ужасно милая и классная Иришка расцвела, похорошела так, что не видны были никому ни ее тонкие ножки, ни острый носик, ни чуть косящие глазки.

Она была само очарование, потому что плавилась от любви, в которую окунул ее Григорьев. А через год она вдруг родила симпатичного мальчика, в котором Григорьев души не чаял. Он забыл про свои сорок с «хвостом», носился с ма-

лышом, как с писаной торбой, купил для него все, что можно было купить. И за этими заботами он как-то просмотрел момент, когда его Иришка вдруг погрузилась, как-то печально следила за тем, как отец играет с ребенком, как он дурачится, изображая лошадку – видели бы его в этот момент коллеги!

Когда он в один прекрасный (ну, почему даже самый печальный день называют «прекрасным», если в нем происходит что-то особенное?!) день, обратил внимание на ее печальное состояние, Иришка сказала:

– У нас, кажется, большие проблемы...

«Проблемы» оказались бедой. Да еще и какой! Врачи в один голос говорили – «Поздно!», а Григорьев в отчаянии готов был на все: операции за границей, лучшие лекарства – по самым заоблачным ценам, светила медицины, травники, бабки, колдуньи, снадобья от сибирских шаманов. Он сам понимал: все напрасно. Иришка угасала на глазах. Последние дни она провела в больнице, где никого не хотела видеть. Даже Григорьеву. На него ей особенно больно было смотреть. Она видела, как мучается любящий и любимый человек, и ничем не могла ему помочь.

Когда, незадолго до конца, Алиса приехала ее проведать, Иришка с потухшими глазами, в платочке, скрывавшем лысую голову, печально сказала ей:

– Как я устала от всего. Скорее бы...

Алиса ужаснулась. Как может живой человек даже думать об «этом»?!

– Хорошо, что тебе этого не дано понять... – печально ответила ей Иришка. – Больше всего мне жалко Сашу. За что я делаю ему так больно?! Слава богу, Павлик ничего не понимает...

Иришка ушла тихо и, как рассказал потом Саша Григорьев, присутствовавший при этом, «с чувством облегчения».

И это далеко не одна история, которая произошла в близком Алисе круге людей. Все эти печальные известия заставляли ее каждый раз вздрагивать, и мысленно просить Всевышнего: «Только не со мной! Только не с моими близкими! Не приведи и оборони!» Жалко было угасающих, потерявших надежду людей. Еще больше было жаль их родственников, которые кидались во все тяжкие на поиск лекарств, уникального народного врача, лучшего хирурга, денег, наконец, которые требовались на операцию.

Потом оказывалось, что все это напрасно, что поздно, что нет уже ни сил, ни желания вылезти из беды. И оставалось только ждать. Хорошо, если не очень долго...

Всякий раз, когда в окружении ближнем или дальнем случалась эта беда, Алиса переживала ее, как свою. И не знала совершенно, что будет делать, если беда эта придет в ее собственный дом. Думать не хотела, отгоняла прочь, незаметно плевала через левое плечо, и молилась – «Только не это!»

И вот оно *это*. Не у кого-то, а в твоём доме, у твоего са-

мого родного человека. Как вот эта колючая метель по морде – реально, больно, справа-налево. Опухоль!

– Мам, делать-то что будем? – глотая метельную кашу, спросила Алиса.

– Не знаю пока, – растерянно ответила мать, и, хватанув холодного ветра, закашлялась. – Но одно решение я уже приняла: не буду я делать операцию. Мне лет сколько? Вот и ответ. Хорошо если загнусь, и меня из операционной сразу в подвал спустят, а если жива да калечна останусь? Не-е-е-е-т, не хочу. Сколько бог даст...

Обреченно сказала, но твердо, и Алиса не сомневалась: это решение хоть и сиюминутное, но самое верное на данный момент.

– Ну, вот и хорошо! Определились в одном, и будем искать что-то еще, – сказала, чтобы успокоить. На самом деле, в голове был разброд, и куда кидаться, что делать – она не знала. Казалось, что каждая минута после того, как был озвучен страшный диагноз, работает против них, и надо спешить с поиском чего-то волшебного. Но если бы это волшебное существовало...

В лихорадочных поисках не заметили, как подкатил Новый год.

– Елку будем ставить? – спросила за неделю до праздника Алиса.

– А ты как хочешь? – Алла Михайловна переспросила для

порядка. Ей хотелось ответить – «По барабану мне эта елка!», потому что и в самом деле ей было все едино – будет елка или нет. Если нет, так даже лучше: меньше уборки в январе!

– Я хочу, конечно! Должен быть праздник в доме! – Алиса умышленно показывала свою предпраздничную радость. На самом деле, она все понимала – не до елки. Настроение у нее было, если не на нуле, то близко к этому. Но надо было улыбаться, и притворяться, хотя хотелось плакать от беспомощности.

Да еще Саблин – работодатель и большой друг – не понял, почему Алиса отказалась отпраздновать Новый год с ним на даче, хотя она все рассказала ему, и очень попросила понять, но...

– Ты понимаешь, что у меня только один выходной день в этих зимних каникулах – 1 января! Потом я уезжаю в командировку, и вернусь через две недели! – кипел Саблин.

– Сережа, ты, к счастью, не знаешь, что это такое, когда мама стала, как ребенок! Я ей нужна, больше, чем тебе.

Саблин посмотрел на нее с непониманием. Еще месяц назад она сама бы не поняла, скажи ей кто, что надо поступиться личными делами ради престарелого родителя. В конце концов, мама же всегда поймет! Должна понять.

Но всего несколько слов доктора из клиники нейрохирургии перевернули всю их жизнь. Именно «их», а не «ее».

Жизнь у них стала общей, одна на двоих. И ее, Алисины то есть, проблемы и дела померкли, отошли на второй план. А на первом прочно обосновались заботы по поиску целителя, который откроет свой волшебный сундук, зажжет свечку, дунет-плюнет, и, «Пожалте бриться!», то есть, делать новую томограмму, а потом к доктору этому, который страстей таких наговорил, чтоб глянул он, удивился чтоб, и, повертев снимок туда-сюда перед настольной лампой, сказал бы удивленно:

– Да-с... Уникальный случай! И вы больше не мой пациент!

Н-да... Как было все просто раньше. Вот еще совсем недавно, осенью, когда холодные дожди барабанили по крыше. Погода – дрянь, и на эту погоду болела голова, и крутило суставы так, что порой хотелось материться. И работы было невпроворот, и с деньгами были проблемы. Но не было вот этого страшного приговора, который доктор Стасов зачитал им, и который красной линией разделил их жизнь на «до» и «после», на мирную и... И вот такую вот, можно сказать, боевую, фронтовую, да как угодно – не спокойную, одним словом.

Целителей, обещавших чудо, на просторах родной страны оказалось несметное количество. И не надо было даже ехать куда-то за тридевять земель в поисках бабушки-зна-

харки. Забирайся в Интернет и ищи. И найдешь!

Сначала Алиса просто царапала в тетрадке: имя, а чаще какая-то кличка типа «матушка Евдокия», телефон, адрес, кого берется лечить, как и сколько надо платить, как записаться, где идет прием. Информации было – где густо, где пусто. Звонков приходилось делать не менее чем по десятку, надо было несколько раз договариваться и передоговариваться. Скоро Алиса научилась грамотно классифицировать всю информацию. Она писала ее на карточках, и перекидывала их, как карты в колоде: в среду – звонок дяде Гене из Сиверской, в субботу – встреча на Финляндском вокзале с тетей Дашей из Выборга, в понедельник – привезти снимки костоправу Игорю Пантелеевичу в детскую поликлинику на Невском.

– Почему в детскую? – удивленно переспрашивала Алла Михайловна.

– Ох, мам, все просто: Игорь Пантелеевич в обычной жизни – детский доктор, а в нерабочее время – костоправ. Кстати, его-то мы будем исключать из списка целителей.

– Почему?

– Потому. Костоправы нам противопоказаны. Вспомни, что сказал китайчонок Ли?

Китайского доктора им посоветовала соседка по лестничной клетке – ходячая энциклопедия тетя Маша. Репутация у доктора была безупречная, вылеченных больных – море, да

и вообще, в их случае китайский доктор – это куда лучше, чем русский. Все-таки, у них медицина совсем другая. Какая у них медицина – баба Маша не знала, но то, что на порядок выше нашей – не сомневалась.

Звали доктора Чжао Фэн Ли, но Алла Михайловна его тут же окрестила просто «китайчком Ли», и даже красиво пропела знаменитый романс: «Где вы теперь? Кто вам целует пальцы? Куда ушел ваш китайчонок Ли?»

По телефону доктор по-птичьи прочирикал адрес, и назначил время. Он встретил их у лифта и пригласил в квартиру, которая оказалась настоящим китайским домом с морем цветов, колокольчиков, бамбуковых подвесок, которые называют «музыкой ветра», с запахом благовоний. Даже телевизор в углу бухтел по-китайски – за окном была прикрючена телевизионная тарелка, благодаря которой в питерской квартирке китайского доктора в Веселом поселке улыбающийся луноликий ведущий рассказывал пекинские новости, а по нижней кромке экрана ползли титры – иероглифы, каждый из которых был удивительной картинкой из другого, совершенно непонятного восточного мира.

Доктор Ли был крошечного росточка, хрупкий, аккуратный, будто вылепленный умелыми руками талантливого скульптора. Он был на редкость красив, и все время улыбался. А еще Алиса не могла определить его возраст. С одной стороны – мальчик лет двадцати пяти. С другой – он успел

им сказать, что уже двадцать лет живет в Петербурге, и город ему очень нравится, и работа, но он скучает по родине, и еще ему тут очень холодно.

Они плохо понимали его речь – вместо буквы «л» он, в лучшем случае, говорил «р», и проглатывал окончания. Остальное, что он выдавал на не родном ему языке, было тоже малопонятно русскому уху, и Алиса с Аллой Михайловной то переглядывались между собой, то вынуждены были переспрашивать его.

Доктор Ли не спеша изучил снимки, близоруко щурясь у яркой настольной лампы.

– Вот видите, вот она, ваша опухоль. В шейном отделе... Да-да-да... – доктор поцокал языком, постучал по снимку карандашом, которым он пользовался вместо указки.

Они смотрели, и не видели на снимках ровным счетом ничего. А он видел. Но помочь не мог.

– Должен вас огорчить, но это не моя специальность. Увы! Я могу вправить позвонки, убрать грыжи, я могу наблюдать больного после инсульта и поднять его, но заглянуть в ваш позвоночник я не могу. Это не моя специальность. Если хотите, я вам могу показать, что происходит у вас в организме...

Они хотели. Они хотели хоть чего-нибудь, хоть какой-нибудь информации, света, пролитого в эту черную бездну невидимого и не понятного им мира.

Он достал огромный старинный атлас, в котором были только рисунки и иероглифы.

– Смотрите! Вот ваш позвоночник, внутри которого есть опухоль на мозге. Задет вот этот участок. Смотрите: ведем по стрелочке. Куда она приводит нас? К кончикам пальцев правой руки. Так? Смотрим снимок. Опухоль проходит в шейных позвонках. Смотрите, куда от этого отдела идут стрелочки – ко всем фалангам пальцев, к ладони, до запястья. Эта ручка у вас немеет?

– Да, именно эта и до запястья.

– Вот. С другой стороны меньше. И немеет намного меньше, так?

– Так... – Алла Михайловна с интересом рассматривала картинку в атласе.

Как все просто. Она-то думала, почему это у нее из рук все валится, а это, оказывается, опухоль. Слово какое противное – опухоль! Как... выхухоль! Опухоль – выхухоль. Тьфу!

– Ну, что ж... – Алла Михайловна встала с низенькой кушетки в приемной доктора Ли. – Придется как-то жить с этой гадиной. С выхухолью!

Доктор ничего не понял. Для него русский язык был непостижимой мудростью большого народа, такой же, каким была для русских китайская грамота.

А Алиса поняла мать очень хорошо. У нее частенько такое прорывалось: каша – параша, роза – мимоза, кукушка – психушка. Теперь вот опухоль – выхухоль. Она всегда люби-

ла играть в буриме.

Странно, казалось бы, рухнула их главная надежда: от доктора Ли помощи не получили. Но Алла Михайловна, посидев в глубокой задумчивости с полчаса в машине, вдруг сказала:

– Что ж... Одним адресом меньше, так ведь, Лиса? Значит, круг поиска сузился...

Она очень изменилась за этот месяц поисков волшебного лекарства, названного именем греческой богини всеисцеляющей Панакии, и устала оттого, что целители и доктора разводили руками. Впрочем, это счастье, что они признавали свою несостоятельность и отказывались лечить Аллу Михайловну. Толку от такого лечения было бы не много, а вот вреда...

В итоге долгих поисков они сделали неутешительный вывод: коль скоро отказались от операции, то остался лишь один путь, даже не путь, а так, тропинка – траволечение. Все остальное было строго противопоказано.

«Не густо», – грустно подумала Алиса, и взялась методично изучать литературу на заданную тему. Рецептов была тьма-тьмущая, но фокус-то был не в количестве, а в том, чтобы найти действенное средство. А кто его знает, какое действенное, а какое – нет???

К весне Алла Михайловна как-то успокоилась, свыклась со своим необычным диагнозом. Две ее верные подружки – Настасья Павловна и Аленка, от которых она не скрывала ничего, только охали и ахали:

– Аллочка, ты о своей «выхухоли» говоришь так, будто это пустяк, мелочевка!

– А что, мне из-за нее теперь лечь и ждать конца?! Нет, девушки, не дождетесь! Знаете, если б не Алиска с ее предложением обследоваться у хорошего врача, я про эту мою выхухоль и не узнала бы никогда! Ну, болят руки, и болят. Как мне доктор сказал, скорее всего, у меня это не сегодня завелось, а лет этак «...дцать» тому назад. И жила же как-то. И дальше бы жила... Нет, все-таки в нашей бесплатной медицине есть большой плюс! Меньше знаешь – крепче спишь!

Настасья Павловна и Аленка удивлялись тому, что у подруги еще хватает сил шутить, и они не понимали, где черпает она эти силы.

А она не очень ставила их в известность о том, что у нее в жизни есть радость – Мишенька, Медвежонок – медвежий ребенок, милое дитя, с которым она не просто подружилась, а которого полюбила не как воспитательница, а как бабушка.

Ей хотелось его баловать, дарить ему подарки, водить в музей и в зоопарк, но делать это очень часто она не могла, не имела права, не смотря на очень доброе расположение

к ней начальства приюта для бездомных детишек.

«Вот бы усыновить мальчика...» – эта мысль все чаще и чаще посещала ее. Ну, или опекунство оформить, или попечительство – как там правильно-то это называется?

Она не приводила Мишеньку домой, чтобы, не дай бог, не сделать ребенку больно – ему ведь потом возвращаться в казенный дом, и сравнивать его с тем, в котором живет Алла Михайловна. Для ребенка это травма.

Да еще и большой вопрос, как к этому отнесется Алиса...

Алиса видела, что мать все чаще задерживается на работе, или в свой законный выходной вдруг собирается и уходит, отвечая на вопрос – «куда?» односложно: «Работа!»

Ну, работа так работа, думала при этом Алиса. Работа – это лучше, чем безделье, которое наполнено ненужными мыслями, сомнениями, информацией, порой не достоверной, и к тому же страшной.

Алиса взяла за правило в их общее время кухонных посиделок подкидывать матери оптимистичную информацию, вытаскивала из Интернета примеры чудесных выздоровлений. Алла Михайловна с интересом читала статьи, делала в листочках пометки цветными фломастерами, перечитывала. Они обсуждали возможность поездки в один из монастырей, в котором старец Власий принимает больных.

– Знаешь, Лис, я слышала, что он даже самым безнадежным помогает...

А потом вдруг умер старый Вася. Кот заболел, что называется, «на ровном месте», без какой-то видимой причины. Он перестал есть, только много пил. Алиса отвезла Васю в ветклинику, где врач не нашел у него ничего, кроме глубокой старости. Васе было тринадцать лет, но это ли возраст для кота?! Говорят, они и до двадцати двух могут прожить.

Васю начали пользоваться по полной программе: капельницы, уколы, таблетки и микстуры, но ему было все хуже и хуже, и когда ночью Алиса вызвала врача, он не мог ее ничем утешить.

– Сердце, – только и сказал доктор, послушав кота и посмотрев его язык.

– Что делать? – в растерянности спросила Алиса.

– Ждать. Или усыплять.

– Не надо усыплять, Лисочка! – Алла Михайловна торчала в дверном проеме, в ночной рубашке с завязочками у шеи, как привидение. – Не надо. Пусть Васенька сам...

Она всхлипнула, покачнулась, и ушла в кухню, где гремела пузырьками и шумела кипящим чайником.

«Надо же, я и не думала, что мама к Васе так тепло относится...» – машинально подумала Алиса, провожая доктора на выход.

К утру Васи не стало. Алиса завернула его в старенькое

пестрое покрывало и увезла в лес. Нашла место на обрыве прямо на берегу залива, где в песке легко выкопала ямку.

«Вот и все, Васька, с тобой закончилась большая часть моей жизни», – подумала грустно Алиса, привалив на место захоронения камень.

А потом расплакалась, и не могла ехать домой. Ей было страшно. Казалось, что эта кошачья смерть неспроста. Мама еще фразу такую брякнула, когда она сказала ей, что все кончилось. Дескать, Васька-то не просто так, а знак – ей собираться...

Сказать, что она очень любила кота, до фанатизма, Алиса не могла. Просто он, казалось, был всегда в доме, он был олицетворением дома, потому что так положено: кот в доме – к счастью в нем. Пока он был, она его не замечала, а случилось ему уйти – и стало сразу заметно, что в доме появилось пустое место. И она поняла, что если сейчас придет туда и не увидит в прихожей Васю, не услышит его скрипучего, словно не смазанная дверная петля, голоса, то ей будет очень плохо.

И тогда вместо дома она поехала на работу.

Была суббота – день не рабочий. Но Алису охранник пропустил в офис без лишних слов. Она вбежала в приемную, из которой одна из дверей вела в ее кабинет. Не снимая пальто, нажала на нужные кнопки – загудел компьютер.

«Отдам в хорошие руки». Интернет выдал ей кучу адресов, телефонов и фотографий. Коты и кошечки, большие

и маленькие, полосатые и черные, а то и четырехцветные.

Не то. И это – не то.

– Все не то!

Для Алисы очень важно было, чтобы котик был «ее». Как определить? Да все просто: он должен не просто умилять, он должен с первой минуты стать родным. И желательно, чтобы у кота была своя история. Те, которых разводят заводчики ради денег, ее не интересовали. Ей хотелось обогреть сиротку. Это у нее с детства было, со сказки про кошкиный дом. Сколько котиков вытянуло счастливые билетки, встретившись когда-то с ней. Если не к себе в дом, то к соседям, или в магазин, или на почту, или в приют для бездомной скотинки!

С «сиротками» на просторах инета было не густо. Куда больше было красавцев и красавиц с родословными и медалями только за сам факт рождения.

Алиса включила кофеварку, и как только аппарат заплескался ароматными брызгами, налила кофе в чашку прозрачного стекла, и удобно устроилась перед монитором.

Она листала странички, выбирая котенка из десятков тех, кого предлагали в добрые руки. И вдруг наткнулась на фото, от которого исходило какое-то необъяснимое тепло: два маленьких полосатика в обнимку. И история, прочитав которую, Алиса поняла, откуда это тепло.

«Привет! Эти два малыша пострадали от жестоких людей:

кто-то поиздевался над котятами и отрезал им по одной задней лапке. Малыши были обречены, но добрые люди принесли их в ветлечебницу, где не менее добрые люди не усыпили их, а вылечили. Сегодня они ничем не отличаются от своих сверстников, и бегают даже быстрее тех, кто имеет четыре полноценных лапки».

Алиса набрала номер указанного телефона:

– Аллё?

– Слушаю вас!

– Девушка, я по объявлению, – Алиса торопилась, как будто минуты что-то решали. – Вы отдаёте двух покалеченных котят?

– Уже не двух, а только одного! – радостно ответили на другом конце.

– Девушка, я вас умоляю: оставьте этого второго для меня! Я приеду прямо сейчас! Я вас очень прошу! Поверьте: лучшей хозяйки для него вам просто не найти!!!

– Да вы не торопитесь так! Если вы влюбились в нашего малыша, мы вам оставим его непременно. Можете хоть завтра приехать, хоть послезавтра.

– Нет! Говорите адрес! Записываю!

Через час она набирала на домофоне комбинацию цифр.

– Вы так торопились! Я же пообещала никому не отдавать! – Алису встретила улыбающаяся девушка с косичками,

словно мышинные хвостики, в дремучих старомодных очках в роговой оправе. – Проходите!

Алиса вошла в прихожую, где ее ждала компания разномастных котов и две собаки, неопределенной породы. Никто ни на кого не фыркал, просто ждали. «Ну да, тут ведь что-то вроде филиала приюта для брошенных животных!» – Алиса нагнулась, чтобы погладить кого-то, и все дружно потянулись к ее руке.

– Хорошие какие!

– Хорошие, – девушка покинула их на минуту и вынесла из комнаты полосатого котенка с миленькой усатой мордашкой. Вместо одной задней лапки у него была культя, ровно по скакательному суставчику.

Алиса потрогала лапку. Котенок покосился на нее, нервно потряс изуродованной конечностью. Больно ему не было, но, наверное, было страшно.

– Васька «номер два», – только и сказала Алиса, протянула руки, и котенок поместился в ковшичек из ладоней. Он посмотрел на нее голубыми глазами и сладко зевнул. Она поцеловала его прямо в коричневый с темным ободком по контуру нос, прижала к себе. – Я его Васькой назову, вернее, Василием Вторым.

– Первого тоже Васькой назвали! – улыбнулась девушка. – Но, я думаю, в этом нет ничего страшного: они же в разных домах будут жить.

Васька в тот же вечер стал «Дваськой»: Алиса слышала, что дважды одним именем котов в доме не называют – плохая примета. Так что, с Дваськой она угадала: имя, привычное уху, и в то же время – другое. Все по правилам.

Алла Михайловна к сиротке калечному прониклась, но до любви там было далеко. Ее просто умиляло то, что он пугливо озирался в новом доме и жался к ногам, ища защиты.

Осмелев, кот начал носиться по квартире, смешно дрыгая поврежденной лапкой. Несмотря на увечье, Дваська легко забирался по ковру на самый верх и прыгал оттуда на диван. Или аккуратно зацеплялся за качающуюся штору и полз под самый потолок, отчаянно мяукая в вышине. Иной раз он сидел в складках штор подолгу, не решаясь спуститься вниз, и Алла Михайловна подтягивала к окну тяжеленную стремянку, раскидывала ее кривоватой буквой «Л» и забиралась наверх. Там она, держась одной рукой за никелированный поручень, второй отрывала цепкого малыша, сажала его на плечо и спускалась вниз.

После таких цирковых номеров у нее тряслись ноги и руки, и она беззлобно ругала «безногую скотину», которая «не ведает, что творит», и желает ее «в гроб вогнать».

Услышав это выражение в первый раз, Алиса вздрогнула: хоть и шутка, но не очень приятная. И вообще, как в доме повешенного избегают говорить о веревке, так Алиса всяче-

ски уходила от тем, которые были за границей этого мира. С раннего детства тема смерти была для нее запретной. Сначала она, наверное, как и все дети на свете, думала о том, что жить будет вечно, и это ее совершенно не касается сейчас и не коснется никогда.

Потом она стала бояться, что когда-нибудь умрет бабушка Валя. Почему именно она? Да, потому, что она была в семье самой «старой». Это сегодня Алиса понимает, что пятьдесят – это совсем не старость. А тогда, когда ей было лет пять или семь, а бабе Вале было пятьдесят с «хвостиком», она казалась ей очень старенькой. И чем дальше, тем больше она боялась того дня, когда бабушка вдруг возьмет и умрет.

К счастью, в нежном возрасте такие печали ее совсем не коснулись. И баба Валя прожила после этого еще почти тридцать лет, и ушла в иное измерение тихо и спокойно, предупредив заранее, за неделю примерно, что собралась уходить. Они тогда посмеялись над бабулей, пообещав ей как минимум еще одну свадьбу любимой внучки, на которой она оторвет пару танцев до упаду с каким-нибудь пожилым неуклюжим кавалером.

Но бабушка Валя только грустно улыбнулась в ответ, махнув на шутниц корявой своей лапкой в бурых старческих пигментных пятнышках. И еще предупредила, что непременно будет приходить к ним иногда «с того света», за что получила пней:

– Баб! Только попробуй! Живешь и живи, а если уйдешь –

не вздумай болтаться между мирами и людей пугать! – сказала тогда Алиса в шутку.

Бабушка вздохнула, еще раз махнула рукой, мол, завязали с глупостями, а сама и в самом деле ушла в небытие через пару дней.

А теперь вот нависла над Алисой эта беда, которую мать обозвала «выхухолью». «Черт бы ее драл, эту «выхухоль»! – Алиса попыталась отогнать от себя плохие мысли, а они, как осенние мухи, пропадали, и тут же появлялись снова. И кусали, кусали больно, а если и не кусали, то надоедали безумно, ползая туда-сюда часами. И Алиса даже попыталась почитать кое-какую литературу на тему управления своими мыслями, и завидовала индийским йогам, которые делают это легко и непринужденно. Ну, так, во всяком случае, было написано в тех самых книгах, которые она штудировала.

Алла Михайловна порой уходила в себя, думала о чем-то, только одной ей ведомом. А потом вдруг выдавала такое, от чего Алиса впадала в отчаяние.

– Лиса, когда меня не станет, ты не забудь, что в диване у меня лежат колечки золотые, от которых ты наотрез отказалась.

– Мама! Ну, что за бред! «Не станет! Колечки!»

– Не бред, Лиса! Не бред! Я боюсь, что ты задумаешь поменять в доме мебель и выкинешь этот мой старый диван, а его кто-нибудь найдет на свалке, и мои драгоценности по-

падут в чужие руки!

«Драгоценности! Ё-мое! Четыре колечка, стареньких, не модных, одно кривоватое, в другом – камешек выпал, третье потускнело, видать, золото дрянное, четвертое такое большое, что носить его просто не прилично. Драгоценности... Впрочем, для мамы и в самом деле – драгоценности. Одни очереди, в которых она за этими драгоценностями стояла, чего стоят», – размышляла Алиса, шикнув строго на мать.

А она продолжала гнуть свое, раздавая какие-то указания, которые надо было непременно исполнить, когда придет срок.

– Вот придет, тогда и будешь указывать! – строго обрывала ее Алиса, и морщилась от боли, которая занозой сидела в душе с того самого дня, когда светило военной нейрохирургии, пуская в академический потолок сизый дым из кривой трубки, вынес вердикт: «выухоль!». Тьфу – «опухоль»!

– Мама, твоя опухоль – это не приговор, понимаешь? Ты могла прожить еще сто лет, не зная о том, что она есть. Ну, было бы что-то не то с рукой, ломала бы ты голову над этим вопросом, но могла бы никогда не узнать – что это было. Так ведь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.